

Её псевдоним: «МАРИЯ»

Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Клавдии Васильевны КОЛЧАНОВОЙ.

*Интервью записано в октябре 1996 года на видеокамеру.
Интервью брал Владимир Петин, оператор: Георгий Полковников.*

Посмотреть это видео можно по ссылке:

<http://kovdor-open.ru/video/ветераны-войны.html?start=20>

или на Ютьюбе: <https://youtu.be/lx7tSanDuoU>



Стоп-кадр из видеосъёмки 1996 года

Я рада, что вообще про меня вспомнили. Потому что до 1965 года я вообще была «пропавшая без вести». И нашли меня совершенно случайно, подружка меня нашла, с которой вместе мы были в плену. И вот, только тогда, я стала ветераном войны. А до того и не знали даже, что я вообще жива.

= Начнём сначала. Откуда вы родом, о детстве расскажите.

Родом я из Кувшинова, Калининской области. Жила я с матерью, с братом и сестрой. До войны я работала в райкоме партии, машинисткой.

А в 1941 году, в августе месяце, ушла в разведку. Учили, правда нас, на медсестёр, но дело в том, что у меня пропал парень, которого я любила, и я думала: вдруг он в плену, а я буду ходить по местности оккупированной, и где-то его увижу, и найду. Но, не нашла, конечно.

= А как вы попали в разведку? Набор был объявлен, или добровольно?

Нет, не так. Когда я получила известие о моём парне, что он пропал без вести, я пошла в военкомат, и сказала: «Я хочу на фронт». Конечно, нас не брали, потому что у нас в райкоме оставалось очень мало народу. И бывало так, что и за помощника секретаря приходилось работать, и за машинистку. А потом, в августе месяце, вдруг объявили по радио, у нас, в Кувшинове: «Товарищи, кто подавал заявление, девушки, просим зайти в военкомат».

Мы в военкомат пришли, нам сказали куда нам явиться, и мы явились в райком комсомола. И стали там из нас выбирать, всех желающих записывали, спрашивали: где работаешь, какое поведение, - потому что в городе знали каждого поведение. И меня взяли. Они знали, что я закончила курсы медсестёр, и у меня документ есть, и меня в медсестры хотели определить, но я сказала, что я хочу в разведку. Ну, в разведку, значит в разведку. И в конце августа я уже была в разведке.

Первый раз ходила я под Калининским в разведку, потом, уже в ноябрьские праздники, когда было страшно, когда было такое напряженное положение у Москвы, на московском направлении.... Наша цель разведки была, особенно девчонок, такая: ходили мы напару всегда, приходили в тыл врага. И почти в каждой деревне или в селе, у нас были явочные квартиры, где мы должны были забирать эти сведения. А бывало и такое, что придёшь в деревню и там никакой явочной нет, и мы ходим, смотрим: какие войска стоят, сколько их, как ведёт себя местное население, какое оно, население, как вообще относится к войне и вообще, какие настроения.

И обратно возвращались туда, откуда мы и выходили. Выходили мы из Кувшинова, из самого города, мы были тогда в составе 21-й армии. А потом нас направили с калининского направления, западнее, под Псков, и уже там, под Псковом, я прошла тылы по деревням, почти до самого Ленинграда. А потом нас опять переправили, нам всё давали разные задания, потому что по одному и тому же месту нельзя идти, могут заподозрить, особенно полицаи, не немцы. Потом мы попали на ржевское направление. Туда два раза ходили, но неудачно получилось. Мы перешли фронт с подружкой одной, кажется это уже было под Новый год, и тут вдруг – немецкая разведка на коньках. И нас забрали в плен.

Ну, допрашивали, конечно, правда не били, но так, настырно допрашивали. Нас просто считали, девчонок всех, даже подростков, всех считали сталинскими шпионками. «Партизан? – нет. Разведка? – нет. Комсомол? – нет. Всё – нет». У нас такая была легенда: мы из Калининской области, называли деревню, которой вообще уже нет, она вообще сожженная или разорённая, чтоб не проверить было. И я иду в такую деревню, называю деревню поблизости, где якобы, моя бабушка живёт. А от той деревни тоже почти ничего не осталось, люди живут в землянках, но живут, и бабушки там никакой не было, конечно. В общем досталось. Пытать не пытали, но у меня всё разбито, рука вывернута, ключица правой руки была сломана, неправильно потом срослась.

Забрали нас под Новый год, а мы были в шубах. Это, конечно упущение было, глупо, я так считаю, все мы в одинаковых шубах были. Валенки сняли, шубы сняли, платки сняли. Порвали немцы наши платки и повязали себе на голову, потому что очень холодно было, они мороза боялись и шубы забрали. И нас, с подружкой, привязали за руки и повели нас, в одних чулках, аж до самого города Ржева. Там, во Ржеве было большое «Заготзерно», и там, в нём, был лагерь военнопленных. Очень много было военных, ребят наших, солдат, и много было местных. Кто ехал там по пути, они всех хватали и сажали в этот лагерь. Нас поселили там, где, вроде бы, баня раньше была, котлы там стояли такие здоровенные.

Нас было 22 человека, девчонок, кто как: и эвакуированные были там, и просто ходили люди по городу, перемещались, никакая не разведка. И пробыли мы там до марта 42-го года. И потом, подошли наши близко, и нас отправили под Смоленск. Там была немецкая тюрьма, не лагерь. Дом двухэтажный, каменный, может школа раньше была там, не знаю. Мы просидели там месяца два, наверное, и нам пихнули девушку, немку, - это очень важно. Как они обращались: говорили, что хотели нам добра, чтобы мы были хорошими. А у этой девушки рука была отрублена. Не знаю, в чём её заподозрили, она говорила, что у неё отец был коммунистом, немец, и она просто пробиралась через Смоленск из Германии к нему, в сторону Пскова, а её тут схватили. Мы ей помогли, кровь остановили, кожу зашили, я сама шила. А через 10 дней, когда она уже поправилась немножко и рука у неё затянулась, её просто вывели из комнаты и тут же, в коридоре, из автоматов расстреляли. И мёртвую к нам обратно бросили. Переживаний, конечно хватало.

Потом, немцы что-то опять заволновались, и нас опять перевели, в Вязьму, и там я ещё провела около месяца. И опять, летом уже, поместили в лагерь. А потом, это уже в 43-м году, это когда у нас уже «Катюши» появились, наши подошли близко и немцев опять теснить стали. Мы уже чувствуем, что близко уже наши, что орудийные выстрелы слышно. И немцы опять нас выстроили, всех местных, пленных всех и девчонок наших, и стали сортировать на отправку, кого куда: девчонок молодых в дом терпимости, молодых всех на работу в Германию, по группам. А я там познакомилась с врачом одним, он меня сильно выручил, я тифом болела, спас фактически. Он говорит: «Ты в эту группу не вставай, эти в дом терпимости пойдут, а ты вставай в группу, что на работу, в Германию. Но ты смотри – вон там, у стены туалет стоит, ты постарайся сейчас в него попасть. А там сама увидишь, смекалка у тебя есть, сама думай».

И вот я стою, нас много, молчим, ни с кем не разговариваем, потому что не знаем куда попадём и что нас ждёт вообще. Стоит этот в углу туалет, и я гляжу – туда парень вроде пошёл и так долго очень не выходит. Я говорю женщине, что рядом стоит, совсем незнакомой: «Почему так долго парня нет?» А она говорит: «Может там лаз есть, может пролезть можно на свободу?»

И я сразу за эту мысль ухватилась, подхожу к немцу, говорю: «Камрад, болит, говорю, живот у меня». Он на меня матом, прямо по-русски, но я всё-таки пошла в туалет. Прихожу туда, смотрю, а там две доски держатся только на верхнем гвоздике, и широкие они и уже оторваны. А впереди меня канава, представляете, где там всё это содержится..., думаю, как же мне её перепрыгнуть? Я была после тифа дохлая совсем, килограмм 25, не больше. Но всё-таки перепрыгнула.

И вдруг, представляете, подхватывают меня два полица. И тащут меня куда-то, неизвестно куда. Я на них ругаюсь (а я матом ругаюсь здорово, я же всегда дружила с парнями, девчонок не любила) на все лады ругаюсь, по-русски. Они меня взяли и пихнули в какой-то сарай. Я думаю, почему в сарай? Почему не на допрос? Я же уже всё это прошла, знаю. А там в сарае так темно, окна нету, слышу мужской голос: «Вы что, девушка, забыли у немцев как по-русски здороваться?» Я говорю: «С кем здороваться, - я никого не вижу». Он говорит: «Так вот знай, нас тут четверо, две девчонки и нас двое. Давай, садись, где стоишь». Куда я сяду? Всё равно же ничего не видно. Присела, дрова нащупала, не наколотые, а пиленные чурбаками. Этот дедушка там добрый такой жил, я потом узнала. Сидела я сидела, ну и заснула на дровах. А утром просыпаюсь, открывается дверь, приносят нам картошки мелкой-мелкой, ведро воды, кружку и свечку. Бабушка принесла, и говорит: «Не беспокойтесь, наши уже близко подошли, а немцы уже уехали». Я была комсомолка, но даже перекрестилась: «Слава тебе, Господи, наконец-то наши!» И слышу, открывается дверь, приходят два солдата, а это – те самые полицейские, но на самом деле это не полицейские, а наша разведка, они переодетые были, я потом узнала.

Такая встреча была с нашими, сейчас вспоминаю: и радостно и плакать хочется. Я же их ругала, я говорю: «Извините меня». А они говорят: «Правильно, всё правильно, такая жизнь». Пробыли мы там два или три дня, и нам сказали: «Ну а теперь идите кто куда». Куда идти? Где этот Ржев, а где Калинин, или моё Кувшиново? Куда я пойду пешком? Поезда не ходят и денег у меня же нет. И вот мы с Вязьмы и до Сычёвки шли пешком, там был штаб. В Сычёвке нас всех собрали, народу было очень много разного, и там всех нас - под конвоем. И от Сычёвки до Подольска нас вели под конвоем. Без остановок, без хлеба, как предателей нас всех вели.

Посадили в Подольск, там недели, может быть, две просидела, потом вызвали на допрос и сразу же «изменника Родины» мне дали, 58-я, пункт А. Всех нас, всех, кто из плена бежал, всех под статью. Из-под конвоя меня перевели в одиночку. Там я два дня просидела в одиночке, потом нас вывели во двор, троих девчонок, подогнали грузовую машину с брезентом, там ещё люди были и четыре солдата. И нас погрузили и повезли на этой машине в Бутырскую тюрьму, в Москву.

Приехали в Бутырскую тюрьму, разгрузили нас, всем, конечно, по шее. И в этой Бутырской тюрьме сидела я с марта 43-го по 44-й год. Стали опять следствие вести, статью дали: «шпионаж». И написали там город немецкий, следователь написал, как будто я училась в немецкой какой-то школе разведки, специально была заброшена на нашу территорию для шпионской работы. Как будто меня забросили немцы под Подольск, и там меня взяли наши. Ну неужели же документов не было, что мы шли из Сычёвки, что мы раньше к нашим попали? Ну, не было тогда порядка в документах, суматоха, понятно. И пишет он: «шпионаж», а я не хочу подписывать, долго не подписывала. Били меня и по голове, и по спине наганом. Ходит он вокруг и говорит: «подписывай, а иначе, я тебя расстреляю». Расстреливай, для чего же я буду подписывать то, чего я не делала. Написал, что я должна там задание выполнить, какие там войска в Подольске, какие там деревни, какие колхозы, в общем – всякую ерунду там написал. Целых два листа. Я говорю: «подписывать не буду». Он на меня орёт по всякому: «стой по стойке смирно!» Я стою, ноги не держат, столько прошла всего, хоть бы там кормили нормально, еле держусь. Я заплакала, так мне обидно, а он говорит: «стой и всё». И тут входит ещё военный, майор, спрашивает: «Что случилось?» Тот говорит: «Вот, вчера одно говорила, всё записано, а сегодня она подписывать не хочет». А я говорю: «Я ничего не говорила этого, рассказала откуда я, как тут оказалась». Майор говорит: «Всё, прекратить», нажал на кнопку и меня довели до камеры.

Сижу и думаю: «Господи, за что? И спросить некого и сказать некому. Подружку я потеряла свою, она убежала, подтвердить некому и знакомых никаких нет. И где наша часть? Ну, армию я им сказала, какая у меня, а других сведений не знаю. Долго не вызывали меня на допрос, перевели в одиночную камеру. На другой день привели ко мне какую-то девушку, симпатичную такую, сразу видно, что она не из плена. Начала она ко мне подъезжать, нахваливать немцев, что они хорошие, что русских девушек они любят и прочее. Но я же была на их территории, я же видела, чего ты мне тут нахваливаешь? Короче, я не знала, что такое голодовка, просто

перестала есть на другой день и всё. Просто не стала есть сама, не хочу. Утром дежурная даёт еду, а я говорю: «не буду есть», почему? Не буду и всё. Пусть я с голода помру, но меня не за что судить, я не изменник и не предатель. Следователю этому ничего не скажу, а хочу говорить с тем, кто постарше. Пришел начальник тюрьмы, спрашивает: «в чём дело, Клавдия Турецкая? (у меня девичья фамилия была – Турецкая, а псевдоним у меня был в разведке: Андреева Мария), что случилось?» Я говорю: «Так и так, если вы от меня не уберёте эту немецкую проститутку, я её ночью удушу, и сама повешусь. Я жить не хочу, почему мне в Советском Союзе нет права голоса, почему мне пишут то, чего я не знаю, почему мне доказывают, что я виновна, но в чём я виновна?» В общем, убрали её от меня через час, и меня перевели в общую камеру.

В 22-ю камеру перевели, там много женщин сидело и только через неделю вызвали меня на допрос 8 марта, вернее на суд, перед праздником 8 марта. А суд какой: три человека военных и два охранника. Ну, опять спрашивали, допрашивали: откуда я, как в разведку пошла. Но ведь документы же там есть, всё ясно. Ладно, суд есть суд, спрашивают: «Вы кого знаете из живых, кто подтвердить может это всё про вас?» «Никого не знаю». В общем суд отложили до выяснения, и опять в камеру. Посидела я ещё в камере пару дней, и приезжает переводчик из нашей армии, Коля, я фамилии его не знаю. «Клава, что случилось?» А я седая вся. Вот, пускай расскажут они, следователь пусть расскажет. Ну, он тут узнал про всё, и про историю с этой женщиной подсадной. «Ну и характер, - говорит, - у тебя: задушу и сама повешусь!» И тут заходит эта женщина, в нашей форме, заходит в комнату и говорит: «Молодец, спасибо, я сразу поняла, что ты за человек. Ну, - говорит – прости, такая работа». А что я могу сказать?



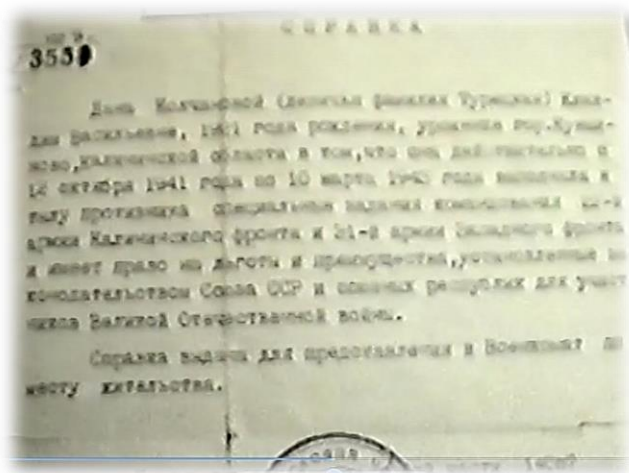
На допросы меня больше не вызывали, что они там говорили, не знаю, в камеру меня увели. А через два дня меня вызвали, это было как раз 10-го марта 1944 года. И суд меня даже почти ни о чём не допрашивал, прочитали приговор: «В связи с окончанием дела, из-под стражи освободить».

= Это они документы, наконец-то получили, или этот переводчик дал показания?

Ну, конечно же, Николай приехал, и потом, наш город Кувшинов не был под немцами, и все меня там знают, и в райкоме партии я работала ...

= А у вас там было какое-то воинское звание, где вы начинали свою службу? Или документы какие-либо военные сохранились?

Документов никаких у меня военных нет. Только вот справку мне написали там, в Подольске, что я действительно была в такой-то армии и всё. И есть справка, что я содержалась в Бутырке. Есть такой документ, но там написали так, соединили все сроки, как будто я всё это время была в армии.



К сожалению, на видео-картинке 1996 года текст читается плохо, а ксерокопию документа мы тогда зафиксировать не додумались, снимали только на камеру у Клавдии Васильевны дома. Поэтому сейчас привожу полный текст этой справки, вчитываясь по кадру в этот шестисекундный фрагмент видео:

Вверху синий штамп: «Удостоверение участника войны вручено».

Далее: левый угол: служебный бланк исходящей регистрации: «Войсковая часть №14057, от 28 мая 19__ (неразборчиво) 69 или 66г. №3/10/3550 г. Москва.

СПРАВКА

Дана Колчановой (девичья фамилия Турецкая) Клавдии Васильевны, 1921 года рождения, уроженке г. Кувшиново, Калининской области в том, что она действительно с 12 октября 1941 года по 10 марта 1943 года выполняла в тылу противника специальные задачи командования 22-й армии Калининского фронта и 31-й армии Западного фронта и имеет право на льготы и преимущества, установленные законодательством Союза ССР и союзных республик для участников Великой отечественной войны.

Справка дана для предъявления в Военкомат по месту жительства.

Начальник отдела строевой части 14057 /подпись/ В. Громов.
Гербовая печать в/ч №14057

Второй документ на видео выглядит ещё более расплывчато.

Попытаюсь, однако, её прочесть:

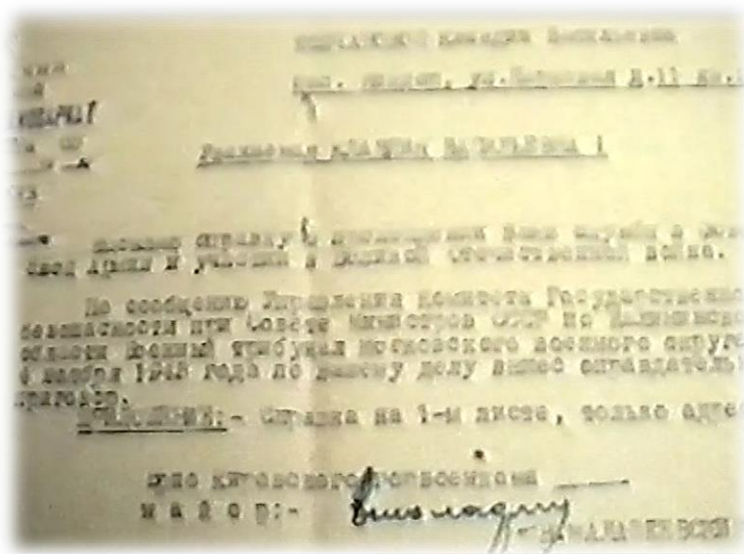
Угловой штамп:

Кировский районный военный комиссариат

09 августа 1966 года

№4/573

г. Кировск Мурманской области



Исх. №4019ф (возможно, цифры другие)

КОЛЧАНОВОЙ Клавдии Васильевне
пос. Ковдор, ул. Парковая, д. 11, кв. 13

Уважаемая КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА!

Высылаю справку о прохождении Вами службы в Советской армии и участии в Великой Отечественной войне.

По сообщению Управления Комитета Государственной безопасности при Совете Министров СССР по Калининской области Военный трибунал Московского военного округа 4 ноября 1943 года по Вашему делу вынес оправдательный приговор.

ПРИЛОЖЕНИЕ: - Справка на 1-м листе, только адресату.

врио Кировского военкома: м а й о р: - /подпись/ В. МАЛАФЕЕВСКИЙ

А потом, домой приехала, пришла в райком комсомола сразу. Они мне говорят: «Нам всё известно – ты была в плену у немцев, как ты могла, комсомолка?» Я говорю: «Слушай, подружка ...» (а мы правда, подружки были: она секретарём в райкоме комсомола, а я в райкоме партии машинисткой была). Я ей тогда показала документы, она говорит: «Ой, Клава, извини, ну, где ты хочешь работать?» Я говорю: «Я хочу в редакцию». И пошла в редакцию газеты «Социалистическая стройка», районной нашей газеты. Ночью, в 4 часа, принимала сводки Информбюро, печатала на машинку, а потом утром отдавала в печать. Пришлось ещё устроиться и по совместительству. Что там нам хлеба выдавали - 500 граммов, рабочую норму, а я худая такая была, видно пожалели меня, и я устроилась в управление нашей фабрики, писчебумажной. Днём работала на фабрике, а по ночам принимала сводки Информбюро, и получался уже у меня хлебный паёк – 800 грамм, прямо как адмиральский. Как же: две должности занимает один человек. А просто людей не было, не хватало.

Ребят не было совсем, всех поубивало. У нас было 18 человек парней, на одной только нашей улице, и четыре девчонки, а вернулись из них только двое, и те раненные. И после войны они оба умерли.

Потом вышла замуж. Родился у меня сын первый, Генка, который погиб в 1985 году, в своей машине задохнулся. В 81-м году ещё сына схоронила, Васю, младшего, тоже трагическая история ...

= Это всё там же было, в Кувшинове? И замуж там вышли?

Мы там прожили очень мало, - с 1944-го по 48-й. А потом завербовались мы с мужем, и уже с ребёнком, с маленьким Генкой, и переехали в Люберцы. А жили в Звенигороде, там строили дачи академикам. Он работал на стройке, а я работала комендантом. Потом надоело, поехали ещё дальше (он у меня цыган, вернее наполовину: отец у него цыган, а мать русская). Ковдор – это у нас уже восьмая вербовка. А до этого много ездили, на Донбассе были, в Восточном Казахстане у нас Володя родился, а Славка родился ещё под Люберцами. Вот Генка только у меня в Кувшинове родился. Так что у меня дети все из разных областей.

На Севере я живу с 1953 года, в Оленегорске сначала жили. Правда, я там не работала, потому что дети маленькие все были, муж только работал. А потом опять, надоела такая жизнь: он пил очень много. Я задумалась, куда бы так завербоваться, чтобы на границу, чтобы построже было. Узнала про Ковдор, что вербуют сюда и что граница тут, мужа уговорила, пока трезвый был, чтобы пошёл вербовку оформлять. Правда, потом бутылку ему поставила, чтобы отвязался, а иначе как ...

= В каком году это было?

Это в 57-м году, 6 сентября мы в Ковдор приехали. Надо было на работу устраиваться в Ковдорское рудоуправление. Пацыбин был начальником, посмотрел мою трудовую книжку (а меня выборщицей вермикулита направили) и говорит: «О, тоже мне, - секретарь машинистка, нищая профессия». Но, оставил меня в управлении, пошла я уборщицей работать. В управлении всего там было 12 человек администрации, я стала 13-я, счастливое число. Но там наши из Оленегорска были: Стручков Борис Константинович, Авдеев Александр Иванович, свои люди, я по Оленегорску уже их знала, полегче было. Так и стала работать уборщицей: первое время убиралась, печки топила дровами. Управление было там, где клуб строителей, а рядом – рудоуправление, там же был и поселковый совет (мы же тогда ещё посёлок были, не город).



И гостиницу тоже обслуживала (это там, где сейчас музей), тоже убирала, печи топила, руками всё стирала. Приезжали к нам туда люди из Совнархоза, и из Мурманска, из областного управления. Потом приехал к нам Голованов, дай Бог ему здоровья, увидел меня и говорит: «Кем вы работаете?» Я говорю: «Уборщицей». «Нет, - говорит, - надо завхозом вас сделать, принесите свою трудовую книжку». Строкина Надежда Алексеевна принесла мою трудовую, и меня записали - начальником АХО. Потом он уехал, сменился, а я так и осталась начальником АХО и проработала так 22 года, день в день. На пенсию ушла в 57 лет.

Я бы может и раньше ушла, в 55, как положено, а мне не хотелось. Мне говорят: «Убирать снег не будешь на улице, отправим на пенсию», а я чего, убирала, и ещё два года проработала. Провожали, конечно, хорошо, Алексею Ивановичу спасибо. Я его попросила, чтобы Володя остался работать в управлении, его уже все знают, что он такой ... исполнительный, во-первых, а во-вторых, он же всё-таки у меня инвалид детства был. А потом сняли у него инвалидность, сказали – раз он работает на производстве, значит не положена ему инвалидность, и сняли. Вот он так и работает с 1977 года.

= Ну а здесь, в Ковдоре, вас уже признали как ветерана?

Это уже в 1965 году было. Я приехала когда, ничего никому не говорила, тогда тут был военно-учётный стол в горисполкоме, там была Нина Афанасьевна Баева, я к ней пришла, сказала, что мне документы надо, как ветерану. А она говорит: «У нас нет ветеранов в городе вообще». Ну, нет и нет – не до этого было. А потом, уже в 65-м году, вдруг письмо пришло, в Мурманск сначала, потом в Кировск, а уже потом, в Ковдор пришло. Нашла меня подружка, она сначала к моей матери пришла, адрес мой попросила, а мать говорит: «Я не могу дать» (мало ли: дочь в Бутырской тюрьме сидела, страшно, мало ли чего). Хоть и грамотная мать, а боялась.

И меня ветераном признали. И уже в 67-м году я с Надеждой Селезнёвой поехала на заставу, уже как ветеран и мы там с ней выступали (у меня есть фотокарточка, как солдаты нас окружили). Тогда ещё ветеранов признанных, вообще ещё никого не было. А потом, уже с Агнией Платоновной Страуманис, Царствие ей небесное, пошли по квартирам, сведения взяли у Нины Афанасьевны, и стали собирать ветеранов. Люди тогда уже обращались, и знаете, сколько мы их насобирали? – 480 человек!



Встреча с моряками в Североморске. 1982 год.

К.В. Колчанова в центре, А.П. Страуманис – третья справа.

Это у нас их было на юбилей Победы, в 1975 году. А на сегодняшний день, у нас их осталось – 112 человек (на 1996 год). Кто уехал, кто умер ...

= Так вы и стали лидером ветеранского движения в Ковдоре?

Агния Платоновна ещё очень помогала, правда ей дышать всегда было трудно, а тут, как назло: как пойдёшь к кому, то 3-й, то 4-й этаж, очень ей тяжело было ходить. А потом уже военкомат нам помог, Казаков там был начальником, вернее, он нас попросил о помощи. Я уже и списки составляла ветеранов и всё прочее, - вот сейчас у меня уже шесть книжек по учёту, на 97-й год заведу новую. И я уже всех ветеранов знаю: где кто у меня, и выехавшие, и умершие, все у меня на учёте.

= И хор ветеранов во Дворце культуры, это тоже вы создавали?

Это мы с Агнией Платоновной. Сперва решали, как назовём, собрали всех мужиков наших, которые не пьющие, ну и женщин, конечно. Сперва было 5-6 человек, потом уже 10-12. С нами Олег занимался, Рогожников в ДК, - он и баянист был и хормейстер. Стали выступать, потом ездить на заставы, к связистам на сопку, по школам ходили, в общем, нормально всё было. А потом нас Людмила Сергеевна взяла (Дранчак), и нас уже набралось 38 человек. Ну и тут тоже: некоторые уже умерли, четверо уже, а кто уехал, а некоторые говорят, что мы уже старые, не до песен. А мне вот уже 75 лет, а я без хора не могу. Тут приболела две недели, не ходила на хор, так, будто бы я что-то потеряла, не могу без коллектива.

Вот, сыновья у меня умерли, сперва Васенька умер, - его отчим зарезал, неродной отец его жены, и Генка тоже потом, через 4 года... Так, если бы не хор – я бы с ума сошла. Представляете, - одной растить детей, я с 1966-го года живу одна, без мужа, как такое выдержать? Некоторые говорили, вот, сына схоронила и на хор пошла ... А что, мне теперь вешаться? И я на хор пошла, я без коллектива, без хора не могу. Я всю жизнь в коллективе заводилой была, - и там, в райкоме, в Кувшинове и в Калинин ездила, на лыжах первое место, и гимнастикой потом занималась, всегда в коллективе.

А дети хорошие у меня, старшие выпивали правда, но, чтобы лодырями были, такого не было, хорошо работали. Славка вообще у меня молодец, спортсмен, физкультурный техникум окончил, не пьёт, не курит. Ну а Володя у меня вообще молодец, я по городу даже девушек таких не видела, как он, я за ним, как за каменной стеной.

А ещё у меня был случай в 1971 году: наш пионерский лагерь поехал из Ковдора в Туапсе. Я раньше на море и не была. А когда? То дети были маленькие, то подросли, поженились – опять помогать им надо ... Понравилось мне в Туапсе, и море рядом и вокзал, и рынок, - решила я с Володькой, маленьким остаться ещё и снять комнату. Пришла в квартирное бюро. Там мне говорят: «Есть у нас жильё, только хозяйкам там больно строгая, богомольная». А мне что, я с ребёнком, никто не пьёт, не курит, поехали. Там прямо у моря два домика, к ним через мост надо перейти, через качающийся. Дом для железнодорожников на 12 квартир. Женщина меня встретила, в комнату повела, а там, я смотрю – фотокарточка на стене, наш танкист, из танковой армии, Лёня! Хозяйка спрашивает: «А откуда вы его знаете?» Я ей рассказала, что стояли мы под Псковом, их 3-я ударная армия должна идти в бой, а мы с девчонками в разведку. Мы подошли, именно к этому экипажу почему, а интересно стало: там грузин был один, очень высокий, а мы же знали, что в танк маленьких берут, не поместятся такие внутри. Ну, подошли, познакомились. Грузина Николаем звали, если по-русски (так-то он по-грузински по-другому был) а второй, рядом – Лёня. Я у этого Николая спрашиваю: «Как ты в этот танк залезаешь? А он отвечает: «Пойдём, покажу». Сидение там было прямо на полу, очень низко. Он сказал, что вот, они с Лёней друзья: тот из Туапсе, а я из Тбилиси, поговорили только, - и тут сигнал. Они в танк, и поехали, а мы через три часа в разведку. И всё, и больше не виделись. А тут, на фотографии я его сразу узнала (это через 30 лет!) Спрашиваю хозяйку, живой ли он? Она говорит, что живой, в городе живёт, в Туапсе. А можно его увидеть? Конечно можно.

Вот, он приходит, а хозяйка (это сестра его) говорит: «Слушай, Лёня, ты не помнишь на войне такую встречал, Клавдию, под Псковом где-то? Вот тут у меня женщина поселилась с Севера, говорит, что тебя знает». Он говорит: «Не морочь голову, никого я с Севера не знаю, показывай, где она». Я тут вышла из-за занавески, а он говорит: «Нет, не помню, не встречал я такую, а где же мы виделись?» Тут я рассказала про нашу встречу, и про Николая ... И тогда он говорит: «Точно, вспомнил, по глазам узнал, - Мария из разведки, глаза запомнил, видать всех ребят с ума сводила глазами». А сестра говорит: «Чего это ты её Марией называешь, она Клава, Клавдия Васильевна». «А я её знал, как Марию». Так вот заново и познакомились.

И с тех пор, с 1972 года и по 95-й я ни разу уже не платила у них за квартиру, когда в Туапсе была. Я, конечно же, и готовила, и убиралась, ездила к ним постоянно. Это уже стала моя родня, мои родные люди. Через год, уже в 73-м опять чудо случилось. Она мне прислала письмо: как соберёшься ехать, обязательно дай телеграмму. Зачем, думаю, телеграмму? Там от вокзала 50 метров. Дала я телеграмму, приехали, Вовка первый вышел, я за ним, с вещами, рыбку им везу конечно. Тут меня грузин на руки подхватывает, огромный такой, весь обросший, на руках меня кружит: «Мария, Мария наша!» Вовка испугался, плачет: «Отпустите маму!» А все веселятся, целых пять машин с грузинами приехали, еды всякой навезли, поросёнка, вина всякого, водки. Короче, я там не отдыхала, а целых пять дней застолье, веселье, гуляли по городу, по музеям, в общем время хорошо проводили. Николай меня зовёт: «Приезжай к нам, в Тбилиси, я тебе полдома отдам, приезжай, живи». Ну, куда я поеду, я уже привыкла тут, на Севере, для меня Ковдор, - это уже родной город.

Так вот и живу тут помаленьку ... Ноги только вот болят, а и то: сколько я тех посылок перетаскала в управлении, и в АХО, и когда завхозом была. На пенсии вот сейчас, и ничего теперь в жизни не боюсь. А чего мне бояться? Я и в детстве, когда отец умер, мне 8 лет было, ходила по людям, побиралась, и на войне была, и в плену, и в Бутырке просидела, чего мне ещё бояться? Самое главное – не падать духом, я помирать не собираюсь, ещё пожить хочу.

*октябрь 1996 года
г. Ковдор*



И вот, как судьба переплетает, всё в один узел. Через шесть лет, когда Клавдия Васильевна умерла в 2002 году, мне довелось её на своих руках выносить из квартиры и доставлять в городской морг. Причём, что ещё более странно, я был тогда временно именно на той самой, её должности в управлении ГОКа – начальником АХО. Так получилось, что В. Петухов уволился, а назначенный на его место П. Якубовский ещё не приехал, в отпуске был. И я два месяца временно исполнял эти обязанности, был практически начальником у Володи Колчанова. Он и дворник был, и грузчик, и за порядком везде следил, добрейший и светлый человек, с душой ребёнка. Прибежал он с обеда перепуганный и бледный: «Мама моя умерла, что мне делать?» А начальником надо мной был Советный А.В., директор ГОКа по административным вопросам. Он говорит: «Вовке хоть и 52 года, но он же ребёнок, в квартиру боится заходить, поехали с тобой вдвоём». Грузовик заказали из АТЦ и двух грузчиков. Приехали мы на «Ниве» к ним домой, на ул. Ленина, 20, вошли в квартиру. Клавдия Васильевна лежит на том самом диване, где мы и делали эту съёмку в 96-м году, вместе с Гошей Полковниковым. Грузовик пришёл через 15 минут, а грузчиков нет, - что-то там диспетчер неправильно понял. Ну, что делать? Взяли мы покрывало, вместе с Советным за углы, и вынесли по лестнице Клавдию Васильевну на улицу, погрузили в кузов.

А дальше уже всё, как положено: и в морге всё оформили и похороны потом торжественные, очень многолюдные устроили, с духовым оркестром из нашего ДК.

Вот такая, неожиданная концовка.

В. Петин
2021 год
г. Кировск
Ленинградской области